

УДК 821.161.1-93. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-129-136. ББК Ш338(2Рос=Рус)64-8,44.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.3

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СЕМЕЙНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ

Гапонова Ж. К.

Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9248-226X>
SPIN-код: 9005-6469

Никкарева Е. В.

Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0014-1404>
SPIN-код: 7891-5548

А н н о т а ц и я. Социокультурные представления о семье отражают традиционные взгляды русского человека на функцию старших родственников как трансляторов ценностей последующим поколениям, однако, наряду с этими представлениями, остро встает вопрос о готовности подростков (представителей последующих поколений) принимать передаваемые ценности, об ощущении ими себя внутри своего рода, семьи. В статье предпринята попытка рассмотреть произведение современной русской литературы для детей и подростков – повесть О. Колпаковой «Суперсилы по наследству: мои советские дедушки» – как повествование, актуализирующее проблемы взаимоотношений нескольких поколений одной семьи: реализуется архетипический сюжет взросления героя-подростка как формирования семейно-родовой идентичности, осознание им себя в качестве лица, ответственного за жизнь и устойчивость собственной семьи, хранителя ее истории и традиций. Предлагается модель описания семейной идентичности героя-подростка, в которой нами вслед за С. С. Строковой выделяются эмоциональный, когнитивный, поведенческий и ценностный компоненты, последовательно рассматривается их реализация в анализируемом тексте. Авторы приходят к выводу, что художественный мир, созданный О. Колпаковой, направлен на всестороннее исследование и репрезентацию семьи как микрокосма, а также на создание контекста восприятия подростком истории своей семьи и своего рода как неотъемлемой части истории Отечества. По мнению авторов, писателю удастся рассматривать семейную память в аспекте построения идентичности благодаря выбору в качестве фокального персонажа подростка, выстраивающего автобиографический нарратив: героиня познает себя в диалоге с «другими», постоянно идентифицирует себя с представителями своей многопоколенной семьи. Осознание своей принадлежности к семье и гордость за своих предков приходят к героине благодаря осмыслению своего соответствия канонам семьи. Демонстрация формирования семейной идентичности подростком писателю удастся в результате акцентирования внимания на разных аспектах повествования: мотиве имянаречения родных, семейных традициях, отборе событий как «узловых этапов биографии», демонстрации особенностей «дедовского» языка и других.

К л ю ч е в ы е с л о в а: семейная идентичность; компоненты семейной идентичности; детская и подростковая литература; О. Колпакова; «Суперсилы по наследству: мои советские дедушки»; дедушка; память

Б л а г о д а р н о с т и: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 25-28-01541, <https://rscf.ru/project/25-28-01541/>).

Д л я ц и т и р о в а н и я: Гапонова, Ж. К. Концептуализация семейной идентичности в современной литературе для подростков / Ж. К. Гапонова, Е. В. Никкарева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 129–136. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-129-136.

CONCEPTUAL REPRESENTATION OF FAMILY IDENTITY IN MODERN YOUNG ADULT LITERATURE

Zhanna K. Gaponova

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9248-226X>

Elena V. Nikkareva

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0014-1404>

A b s t r a c t. Sociocultural ideas about the family in Russia reflect the traditional views on the role of older relatives in passing values on to younger generations. However, along with these ideas, there is also a question of the readiness of adolescents (representatives of the younger generation), to accept these values and their sense of belonging to their family. The article makes an attempt to analyze a work of modern Russian children's and young adult literature – the novella “Superpowers by Inheritance: My Soviet Grandfathers” by O. Kolpakova – as a story that explores the relationships between different generations of a family. It realizes the archetypical plot of growing up of the young protagonist as a process of formation of the person's family identity, as an understanding of their role as someone responsible for the life and stability of their family, acting as a keeper of its history and traditions. Drawing on the works of S. S. Strokovna, the authors of the article present a model for describing the family identity of a teenage character,

comprising the emotional, cognitive, behavioral, and value-based components and explore their realization in the text under study. The authors argue that Kolpakova's artistic world is aimed at a comprehensive study and representation of the family as a microcosm and at creation of a context of a teenager's perception of their family history as an integral part of the history of their Motherland. According to the authors of the article, the writer manages to present the family memory in the context of building identity via choosing a teenage protagonist as the focal character building an autobiographical narrative: the female main character explores herself through dialogue with others, continuously identifying herself with her multigenerational family members. The main character's awareness of her connection to her family and pride in her ancestors come through her understanding of her correspondence to the family values. The writer successfully demonstrates the formation of the character's family identity through various aspects of the story: the motif of name giving of relatives, the family traditions, the selection of events as "significant stages in the biography", the demonstration of the features of the "grandfather's language", etc.

Key words: family identity; components of family identity; children's and young adult's literature; O. Kolpakova; "Superpowers by Inheritance: My Soviet Grandfathers"; grandfather; memory

Acknowledgments: The study was financially supported by a grant from the Russian Science Foundation (Project No. 25-28-01541, <https://rscf.ru/project/25-28-01541/>).

For citation: Gaponova, Zh. K., Nikkareva, E. V. (2025). Conceptual Representation of Family Identity in Modern Young Adult Literature. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 1, pp. 129–136. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-1-129-136.

Подводя итоги первого десятилетия нового века, исследователи отмечали, что развитие семейных ценностей в России 2000-х, где родительство становится самостоятельной ценностью, «отличается по смыслу от аналогичных процессов 1970–1990-х годов». И. Кукулин и М. Майофис предлагают определять новую психологическую установку, при которой семейные взаимоотношения рассматриваются не как сами собой разумеющиеся, но как проблематизированные, требующие пересоздания «здесь и сейчас» в результате «совместного творчества всех членов семьи, приносящего удовольствие каждому», как «кооперационное или неимперативное родительство», дающее возможность выхода каждого из членов семьи за пределы «естественного» патриархального социального порядка, восприятия семейных ролей, связанных с гендером и возрастом [Кукулин, Майофис 2010]. Закрепить в общественном сознании гуманистические ценности детско-взрослых отношений, основанные на идеях инклюзии и толерантности, призвана, как отмечает Е. А. Асонова, новейшая литература для детей и подростков [Асонова 2010: 89–90]. При таком подходе она может быть рассмотрена не только как художественный текст или как текст, воспитывающий те или иные качества ребенка, но и в качестве социальной институции, «опосредующей субъектность читателей» [Садриева 2019: 68], формирующей их социальную идентичность.

Если осознание роли детской литературы как инструмента первичной и вторичной социализации в советский период приводило государство к необходимости направлять усилия на формирование «правильного» образа семьи как «локуса первичной социализации», формирование канона текстов для детей, с одной стороны, пропагандирующих коллективизм и правильное мышление, а с другой – воспитывающих «ответственность, чувство долга перед семьей, отцом, матерью, перед Родиной» [Тимофеева 1987], то в литературе для детей и подростков постсоветской России одной из ключевых тем стал остро ощущаемый кризис семьи. И хотя литература, адресованная дошкольникам и младшим школьникам, продолжала рассказывать о важности места, занимаемого ребенком в

современном мире, обеспечивая ощущение безопасности в стремительно меняющейся реальности [см. об этом подробнее: Лану, Херолд, Бухина 2024], то литература для подростков первых постсоветских десятилетий лишала героя права на психологическое благополучие даже внутри семейного круга, семья выступала в качестве одной из властных институций, с которыми подросткам приходилось бороться.

Рассматривая период после 2012 г. в развитии отечественной прозы для подростков как вторую волну, существенным отличием которой становится ориентированность на субъектность персонажа-подростка, приравниваемая «к речи и возможности поведать собственную историю», авторы монографии «Прощание с коммунизмом: Детская и подростковая литература в современной России (1991–2017)» Андреа Лану, Келли Херолд и Ольга Бухина определяют перспективу развития современной подростковой литературы как появление «нового типа произведений, которые бы не только отражали поколенческий разрыв, вызванный травматической социальной ситуацией, но и старались связать поколения между собой» [Лану, Херолд, Бухина 2024: 193]. В этой связи особую актуальность приобретают произведения, в которых семья, наряду с ролью института социализации, выполняет функцию своего рода «места памяти», а основным нарративным качеством этих текстов является гибридность – смешение автобиографического, документального и фикционального письма в рамках одного нарратива, – стирающая четкие границы между пережитым и придуманным, между фактом и фикцией. Семейная идентичность как образ «Мы», таким образом, тесно соседствуя с проблематикой *memory studies*, получает в художественном дискурсе различные формы репрезентации механизмов когнитивной и аффективной переработки опыта предков в соответствии с собственными целями и ценностями. При этом следует учитывать, что в подростковом возрасте (7–8 классы) самостоятельное досуговое чтение, как и изучение литературы в школе, по мнению В. И. Тюпы, должно быть направлено на развитие эстетического вкуса и эмоциональной рефлексии, поэтому особое внимание при анализе и обсужде-

нии прочитанного произведения подростки уделяют субъективной составляющей произведения [Тюпа 2001: 41].

В силу вышеизложенного заявленная в статье проблема концептуализации семейной идентичности средствами современной литературы для подростков представляется весьма актуальной, но заставляющей исследователя столкнуться с рядом «подводных камней».

Во-первых, семейная идентичность, являясь одним из важнейших видов социальной идентичности, все еще остается недостаточно изученной.

Во-вторых, нет четкой границы между такими понятиями, как семейная идентичность и родовая идентичность, некоторые исследователи при этом предпочитают говорить о семейно-родовой идентичности.

В-третьих, при вариативности форм современной семьи в термин «семья» в соответствии с государственной семейной политикой вкладывается представление об определенном типе семьи – «здоровой, законопослушной и традиционной» семье, основу которой составляет супружеская пара с детьми или без [Климантова 2002: 121]. В современной литературе для подростков представлены зачастую иные варианты семей, отличающиеся от общественно одобряемого образа.

В-четвертых, тема семьи как нравственной основы человеческого бытия пронизывает всю отечественную литературу. Расхожей, и зачастую уже не рефлекслируемой, является практика выделения в произведениях мотива семьи, утверждающей передающиеся из поколения в поколение нравственные устои, общечеловеческие ценности. Однако не в любом произведении, в котором представлен образ семьи и реализован этот мотив, на наш взгляд, можно говорить о концептуализации семейной идентичности. Последнее предполагает создание художественного нарратива, при котором реализуется архетипический сюжет взросления как формирования семейной (и шире – родовой) идентичности, «сознательного» (К. Кларк) вхождения индивида в семью, но уже в качестве лица, ответственного за жизнь и устойчивость данной социальной группы, хранителя ее истории и традиций. При этом творимый автором художественный мир направлен на всестороннее исследование и репрезентацию семьи как микрокосма, а также на создание контекста восприятия подростком истории своей семьи и своего рода как неотъемлемой части истории Отечества. Появление подобных произведений стало новой ступенью развития литературы для подростков, поскольку демонстрировало изменение характера агентности: независимость, веру в собственные силы, умение справляться с трудностями дает герою-подростку ощущение «за собою прошлого, культуры, рода...» [Флоренский 1999: 29].

С. С. Строкова предлагает модель описания семейной идентичности, выделяя эмоциональный, когнитивный, поведенческий и ценностный компоненты [Строкова 2014]. С опорой на представленную модель может быть описана в том числе и

специфика репрезентации семейной идентичности героя-подростка в повести Ольги Колпаковой «Суперсилы по наследству: мои советские дедушки».

Как отмечает Екатерина Харитонова, «тема памяти – исторической и локальной, семейно-родового уклада жизни, межпоколенческих отношений относится к числу константных в творчестве О-льги Колпаковой» [Харитонова 2020: 357]. Как и в повести, в рассказах «Большое сочинение про бабушку», с которой началось знакомство подростков с творчеством Ольги Колпаковой, в повести «Суперсилы по наследству: мои советские дедушки» «базовые ценности и смыслы оказываются сконцентрированы в круге семейно-родовой жизни, становящемся аксиологическим и онтологическим центром, позволяющим обрести опору во внешнем мире» [Харитонова 2020: 359].

Перед читателем предстает столь редкая в современном обществе традиционная многопоколенная семья Русановых, проживающая в сибирском селе Находня. Примечательно, что фамилия Русанов принадлежит к древнейшему типу русских фамилий, образованных от мирского имени – прозвища. Существует также версия о том, что прозвание *Русан* могло иметь и другое значение, в частности так могли называть выходца из русских земель, или русского человека вообще [Фамилия Русанов]. В выборе фамилии героев произведения, таким образом, можно уловить связь со всем русским народом, а за событиями частной истории – судьбы всех тех, кто жил в стране в период с 1908, когда Русановы переселились в Находню, до 2018 года, когда происходит действие повести. Семью Русановых можно определить как патриархальную, в тексте неоднократно подчеркивается, что ее основу составляет старшее поколение. «У нас многодедная семья. – рассказывает шестнадцатилетняя Полина. – Есть младший дед, средний дед, старший дед и прадед Семён, которого мы иногда дедуней зовем» [Колпакова 2022: 10]. Подобный образ семьи можно назвать уникальным для современной детской и подростковой литературы, отражающей демографическую ситуацию преобладающей количества женщин в составе российских семей. Дедушка чаще выступает как внесюжетный персонаж, о судьбе которого ребенку рассказывают старшие родственники или его история становится объектом исследования/расследования («Сад имени Т.С.» М. Ботева; «Давай поедим в Уналашку» А. Красильщик; «Где нет зимы» Д. Сабитова)¹. Поэтому обращает на себя внимание следующее утверждение Полины: «Я понимаю, что в других семьях дедов не меньше, но они как-то рассредоточены по планете. А наши почти все в одной деревне» [Колпакова 2022: 10]. Подобная установка на типизацию уникального опыта, на наш взгляд, имеет задачей подчеркнуть сопоставимость жизненного опыта героини с жизненным опытом читателя, уже в начале

¹ Гапонова Ж. К., Никкарева Е. В. Репрезентация образов бабушки и дедушки в современной детской литературе Филологический класс. 2022. Т. 27, № 4. С. 149.

чтения зародив в его сознании вопросы относительно истории собственной семьи.

Создавая, как указано в аннотации, «*семейный портрет на фоне эпохи*» [Колпакова 2022: 4] Ольга Колпакова выбирает довольно сложную форму. Аккумулирующее коллективную память семейное жизнеописание, автором которого становится шестнадцатилетняя Полина, интегрировано в произведении Ольги Колпаковой в повествование о повседневных занятиях детей во время летних каникул. Выбор подростка в качестве фокального персонажа, выстраивающего фикциональный автобиографический нарратив, позволяет автору рассматривать семейную память в аспекте построения идентичности. Для Полины «Я» как рефлексивный проект предполагает познание себя в диалоге с «другими», идентификацию с определенной группой, в качестве которой в повести выступает семья, отношение к истории как к обособлению идентичности: «*Это прошлое может свести с ума, поэтому с ним нужно как-то разобраться, чтобы спокойно жить настоящим*» [Колпакова 2022: 196]. В повести актуализированы все четыре компонента модели семейной идентичности.

Эмоциональный компонент предполагает постулируемое в тексте отношение к образу семьи, членам семьи, себе как к члену семьи и проч. Ощущая себя частью семьи, Полина, как и представители старшего поколения, использует местоимение «мы» и его производные. В повести «*Русановы*» нередко предстают как коллективный субъект («*на рассвете Русановы закололи курицу*» [Колпакова 2022: 85]). Ее отношение к предкам наиболее емко выражено в образе супергероя: «*Наши деды – супергерои*» [Там же: 32], но при создании индивидуальных портретов Полина конкретизирует свое отношение к каждому из них. Например, «*Дедушка Федосей <...> самый странный. Или удивительный – это как посмотреть. Мы смотрим на него заворуженно*» [Там же: 84]. Ощущение родства, душевной близости со своими предками на эмоциональном уровне выражается через глагол «скучать» («*...я по ним скуучаю*» (здесь и далее выделение **полужирным курсивом** сделано авторами статьи – Ж. Г., Е. Н.), *хотя никогда их не видела*) [Там же: 82]).

Когнитивный компонент семейной идентичности предполагает указание на свою принадлежности к семье, осмысление нарратором опыта, полученного в семье, оценку степени своего соответствия канонам семьи, репрезентацию представления об идеальном образе семьи, актуализацию таких интегративных концептов, как «*фамильная честь*», «*семейные традиции*» и «*семейная память*».

Концептуализация семейной идентичности как текстообразующая авторская стратегия позволяет говорить об этом компоненте как об основном, необходимом для «сознательного» (К. Кларк) вхождения индивида в семью. Его актуализация происходит на всех уровнях повествования. Так, например, мотив преемственности поколений реализован через указание на единство происхождения: «*Семья Русановых – переселенцы из-под Воронежа*» [Колпакова 2022: 21].

Подросток-нарратор акцентирует внимание на мотивах имянаречения: «*Когда Кузьма родился, мы не знали, что он будет Кузьмой. Какое-то старинное имя, домовёнковское или кошачье <...> <Отец> самостоятельно зарегистрировал братца в честь нашего прямого предка – прапрадеда Кузьмы Анисимовича. Вообще-то у нас в семье не принято <...> давать имена в честь родственников. <...> Хотя иногда деды называют меня Пелагеей, как мою прапрабабушку, но по паспорту я Полина*». На мотиве перемены имени, отчества, фамилии. И здесь особняком стоит глава «*Жизнь без суперсилы*» о деду Афанасьиче, который во время репрессий представителей церкви **сменил имя и отчество**: «*Но что-то нам всем по этому поводу обидно, да. Словно предал. Ладно имя. А новым отчеством ведь он себя от семьи оторвал*» [Колпакова 2022: 223], говорит дедушка Валера.

Осмысление связей с предками происходит и через указание на традиции выбора профессии, рода занятий: «*дедушка рассказал про школу. И мне впервые захотелось быть учителем*» [Колпакова 2022: 42]; «*Среди нашей родни <...> нет никого, о ком пишут в учебниках. Мы всегда жили в деревне и занимались крестьянскими делами*» [Там же: 31].

Полученный в семье опыт осмысливается подростком через категорию «нормы», которая в повести реализуется не как система правил, разрешений и запретов, но как обычай: «*Вообще-то у нас в семье не принято несколько вещей: плакать на людях, целоваться при встрече и давать имена в честь родственников*». Соответствие канонам семьи достигается в этом случае добровольным следованием заведенному «порядку». Характерная присказка старейшего из Русановых – прадеда Семена: «*Вот теперь порядок*» [Колпакова 2022: 253], позволяет говорить о порядке как о разумном (правильном) ходе вещей: «*...слово “порядок” вообще в нашей семье ключевое. Правда, этот порядок каждый представляет по-своему*» [Там же: 17].

Отбор событий в повести определяется их статусом «узловых этапов биографии» предка, концентрирующих судьбоносные события личной жизни во взаимосвязи с историей семьи и страны. Так, например, из биографии деда Федосея выбран эпизод визита в Сибирь делегации из Индии, когда его в знак благодарности погладила по голове Индира Ганди. Оценка этого случая нарратором: «*Больше никогда в жизни никого из нашей семьи такое большое начальство по голове не гладило, ни зарубежное, ни местное*» [Колпакова 2022: 88], актуализирует значение фразеологизма «по головке не погладят» и в контексте художественного целого воспринимается уже не как наивность ребенка, но как указание на те исторические перипетии, в которых «перемололо» семью. Упоминаемые заслуги прадедов перед семьей («*...отец на пустом месте выдюжил, семью поднял*» [Там же: 150]) и перед страной («*в нашей деревне лучше всех целину поднимал наш прадед Семен Кузьмич Русанов*» [Там же: 85]), представляют как испытания на соответствие канонам семьи, сохранение «семейной чести» (ср.: «*чтобы совсем своими в Советской стране стать, надо было не просто*

жить по-советски. Надо было громко заявить, как ты презираешь своих предков» [Там же: 151]).

Концепция «семейной памяти» реализована в повести через рассказываемые дедушками истории, представленные изначально как устная речь героев (Полина даже записывает их на диктофон), они сливаются с «письменной» речью персонажа-нарратора, когда подросток досказывает историю, начатую как свидетельство. При этом позиции дедушек-рассказчиков относительно одних и тех же событий могут существенно отличаться. Мотив «историй» является одним из центральных в повести. В нем реализуется диалектическая связь «документального» и «художественного», поскольку точка зрения персонажа-нарратора не предполагает конфликта факта (биографического и исторического), ни с устными рассказами-воспоминаниями дедушек, ориентированными на личное свидетельство и, согласно П. Рикеру, представляющими собой «основополагающую структуру перехода от памяти к истории» [Рикер 2004: 44], ни с презентацией этих фактов в записях Полины. В повести отсутствует принципиальное противопоставление рассказов-свидетельств и семейных преданий. Разговор со старшими как сюжетная ситуация позволяет реализовать межпоколенческий диалог, в котором дедушкам отводится роль трансляторов исторического и аксиологического опыта рода, и шире – всего русского народа. Восприятие истории как синтеза фактуального и фикционального проявляется в отсутствии противопоставления глаголов «записывать» и «сочинять»: *«Этой весной я тоже начала записывать истории. И пока я их сочиняю, я ставлю на паузу настоящее...»* [Колпакова 2022: 30]. Из этих рассказов складывается история семьи Русановых, объективированная в сознании подростка, о чем свидетельствует выбор глагола «знать»: *«Я знаю историю своей семьи всего лет на двести назад»* [Там же: 30].

События повести разворачиваются в семейно-родовой перспективе. Помимо четырех поколений семьи Русановых, не сменяющих одно другое в контексте соответствующих исторических эпох, как в семейных хрониках, но присутствующих в художественном мире повести одновременно, повествователь рассказывает историю основателя рода Кузьмы I, упоминает и более далеких предков Русановых и «будущих родственников по маминной линии» [Колпакова 2022: 25], живших на берегу протоки за триста лет до переселения в Сибирь семьи Русановых, а благодаря «письму потомкам», которое пишет «младшее поколение», реализует представление об идеальном будущем семьи. Действие в повести ретроспективно захватывает ряд травматических событий XX века: революцию, раскулачивание и последующую коллективизацию, Великую Отечественную войну, эпоху застоя, перестройку и другие. И чем дальше в своем исследовании прошлого рода Русановых продвигается героиня, тем более драматичные события попадают в поле ее зрения. При этом дедушки предстают как «частные лица, чья жизнь «оказывается неразрывно связанной с меняющейся исторической ситуа-

цией» [Малкина 2008: 88]. События из жизни семьи локализуются в большом историческом времени: *«...если в этой истории участвует твой родственник, если ты присматриваешься, то каждая мелочь начинает иметь значение...»*, говорит дед Федосей [Колпакова 2022: 126]. Отнесенные в прошлое события выстраиваются в самостоятельный нарратив в том числе и за счет научно-популярных вставок-комментариев Ивана Привалова, расширяющих контекст исторического события.

Изображая все более глубокое погружение героини в историю своей семьи, О. Колпакова использует прием «обратного перевода» – с привычного Полине языка на «дедовский»: *«Они начали тренировать пофигизм, или, по деду-Федосеевскому, невозмутимость...»* [Колпакова 2022: 188]. Рефлексия над меняющимся языком как одна из стратегий освоения опыта прошлого, таким образом, играет в повести существенную роль (*«Не работали старые слова для нового времени»* [Там же: 188]), что особенно показательно при отсутствии в модели мира героини противопоставления различных временных планов на уровне бытовых реалий.

Нарративный принцип включения в текст рассказов-воспоминаний, представляющих собой как бы ответвления от основной сюжетной линии, ограниченной летними каникулами, символически воплощается в образе старой ветлы, привезенной из-под Воронежа и посаженной Кузьмой Первым в честь рождения сына Семена в 1908 году, когда Русановы поселились в Находне. Мультимодальный символ – ветла – отражает историю рода: *«спил ветлы у самого корня, огромный круг с годовыми кольцами, на которых записана история нашей семьи на этой земле»* [Колпакова 2022: 258], – и в то же время, восходя к мифологеме мирового древа, что актуализировано в тексте повести (*«...словно не упало дерево ста с лишним лет, а обрушилась гора, сломалась сама земная ось»* [Там же: 226]), выступает образом того, что несет отказ от прошлого. Интересно, что именно «гибель» ветлы смещает акцент с символического образа памяти – «цветные разномастные ленточки» на ветвях, на документальный – семейные фотографии: *«На фотобумаге начинали медленно проявляться фигуры <...> Люди на карточке сидели и стояли, глядя на нас сквозь небольшой слой воды и через время – такое плотное, что хода через него не было <...> Допечатав, мы рассматривали людей на фото при свете, а они с ответственностью и надеждой смотрели на нас»* [Там же: 246]. И если в интерпретации Полины фотографии выступают в качестве артефактов, обеспечивающих чувство единения, связь с членами семьи, которых дети никогда не видели, то прадед Семен акцентирует внимание на иллюзорности семейного единства, которое дают нам общие фотографии, по отношению к подлинному ощущению родства. На предложение деда Афанасьяча: *«Надо сфотографироваться всем вместе»* он отвечает: *«...жить надо всем вместе, друг за друга держаться <...> потому что не нужен ты никому, кроме родных»* [Там же: 253].

Концепт «семейной памяти» актуализирован и через другие артефакты. В качестве фамильной

реликвии называются три царских червонца, в книге имитируются копии подлинных документов, например, к сообщению о том, что прадеду Семёну 110 лет, прилагается «репринт» листа селхозпереписи 1917 года (передаются особенности графики 1917 года: наличие кириллических букв ь, і, ъ; названия, характерные для того периода: *притисной к селению, надельный*) [Колпакова 2022: 11–13]. Сориентироваться в обширном историческом материале и выстроить свои собственные причинно-следственные связи читателю помогают «карты повествования» [Губайдуллина 2022]: временные шкалы («Хронология событий»), генеалогическое древо («Семья Русановых»).

Поведенческий компонент предполагает наличие ритуалов, в которые герой вступает для поддержания причастности к семье, а также ритуалов, имеющих своей целью передачу и сохранение семейного опыта и проч.), а также поступков и действий, направленных на присвоение, сохранение и обогащение семейно-родового опыта. Большинство описанных в повести бытовых действий, таких как «*баня для прадеда Семена*» [Колпакова 2022: 211], изготовление сыра, заготовка веток для веников, имеют ритуальную составляющую. Как своего рода ритуал описано и посещение живущего отдельно на заимке прадеда Семена, здесь у каждого есть своя роль: «*Нас, дежурных по прадеду, в семье восемь человек <...> На печке разобратся – это Данькина работа, потому что там у него легодром*» [Там же: 20]. Одним из центральных смыслообразующих сюжетов, демонстрирующих ритуальную основу семейной идентичности, в повести является поход на вершину Сторожевую, откуда пропавший без вести брат прадеда Семена Дмитрий, мог последний раз посмотреть на родной дом, чтобы по алтайской традиции принести подарок духам: «*...дедушка Федосей вытащил <...> свой камень и показал нам на небольшую рукотворную пирамидку из камней рядом с самым большим валуном <...> мы положили свои камни*» [Там же: 121–122]. В повести дедушка Федосей впервые берет с собой внуков, приобщая их к роли хранителя семейной памяти: «*Последний раз я на Сторожевую поднялся, тяжелоатом. Ну да вы теперь дорогу знаете*», – говорит он.

Ценностный компонент предполагает демонстрацию приоритета семейных интересов над личными через воплощение типа героя-подростка — наследника.

Образ «супергероя», обладающего суперсилой актуализирует диалог с традицией американских комиксов о супергероях, однако, предлагает индивидуально-авторскую интерпретацию этого сюжета: включенное в культурный опыт современного подростка понятие, обозначающее сверхъестественные или паранормальные способности, эволюционирует с развитием сюжета: от его понимания как суперспособности – того, «что можешь ты и не может никто вокруг» к актуализации различных значений слова сила в русском языке («Способность человека к психической и мыслительной деятельности, к проявлению умственных и душевных свойств (воли, ума, характера и т. п.)»; «То, что

создаёт, обеспечивает преимущество, власть, авторитет», а также получает индивидуально-авторскую коннотацию, воплощая представление о **точках опоры**, помогающих семье преодолеть все трудности.

Суперсилы передаются от дедов к внукам-наследникам, однако у каждого из внуков обнаруживается и своя собственная суперсила. Внуки последовательно на протяжении всего повествования собирают суперсилы по крупицам, определяя таланты своих дедов и прадедов. Сюжетный мотив суперсилы делает возможным и выход на уровень мифопоэтического моделирования национального культурного кода, механизм репрезентации которого можно описать как трансляцию традиционных ценностей в формулах массовой культуры, актуальных для современного подростка. Так, восходящий к притче о блудном сыне сюжет ухода и возвращения в семью деда Афанасьича и возникающий в этой связи мотив прощения актуализированы через трансформацию прецедентной цитаты из романа «Гарри Поттер и философский камень»: «*Нужна суперсила, чтобы попросить прощения. И двойная суперсила, чтобы простить*» [Колпакова 2022: 254].

Осознание Полиной своей суперсилы как рефлексированной ценности, приводит героиню не только к личностному самоопределению, когда она принимает на себя роль хранителя памяти семьи, продолжателя семейного дела, но открывает для героини и новый (кроме прошлого и настоящего) темпоральный вектор – в будущее. Полина метафорично определяет свою суперсилу – доводить дело до конца: «*А тут вдруг у меня появилось такое чувство, будто я собираю рюкзак. Такой, который ни при каком раскулачивании, продразверстке, национализации, даже ни при каком пожаре и потопе у меня не отберут. Виртуальный рюкзак... у меня есть шанс положить в него реальное “Я варила сыр, я умею варить сыр, и я смогу сварить сыр”*» [Колпакова 2022: 237]. Поэтому показательно, что именно, начав сочинять ответ предкам на послание из 1968 г. после того, как в школе была вскрыта капсула времени, Полина впервые пытается отразить свое место в истории, но как транслируемый уже самой героиней опыт ее точка зрения получает риторическое завершение в письме потомкам, которое она пишет вместе с братьями: «*Будь кем хочешь! Будь самим собой. Найди свою суперсилу! Это действительно прикольно!*» [Там же: 259].

Таким образом, именно в подростковый период идентичность, по мысли Э. Эриксона, достигает кульминации в форме «острого осознания идентичности». В этот момент становится возможным проследить наличие связи между ощущением себя в прошлом, настоящем и будущем [Эриксон 2006: 175]. Включение в круг чтения подростков произведений, в которых текстообразующей авторской стратегией является концептуализация семейной идентичности, может помочь подростку отчетливо осознать собственную роль в истории своей семьи, отразить бытующие в семье формы сохранения и воспроизводства семейной целостности и идентичности [Разумова 2001] на основании

развивающихся в повести мотивов семейного сходства, событийной повторяемости, наследования качеств внутри семьи, сохранения семейных реликвий, наделяемых символическим смыслом и обеспечивающих целостность родственного коллектива. Читая повесть О. Колпаковой «Суперсилы по наследству: мои советские дедушки», идентифи-

цируя себя с героями и проживая вместе с ними период летних каникул, читатель ненавязчиво приходит к пониманию важности приобщения к ценностям своей семьи, бережного отношения к традициям и взглядам, складывающимся поколениями, к осознанию семейной идентичности, принимая на себя роль наследника семейной памяти.

Литература

- Асонова, Е. А. Новые ценности в детско-родительских отношениях / Е. А. Асонова // *Pro et Contra*. – 2010. – Т. 14, № 1-2. – С. 78–93.
- Воротилова, С. В. Концепты семейно-родовой истории в контексте становления российской гражданской идентичности подростка / С. В. Воротилова // *Грани познания*. – 2013. – № 5 (25). – С. 8–14.
- Губайдуллина, А. Н. Мотив ностальгии по советской действительности в креализованных текстах современной детской иллюстрированной книги / А. Н. Губайдуллина, Е. С. Корвацкая // *Международный журнал исследований культуры*. – 2022. – № 2 (47). – С. 79–94. – DOI: 10.52173/2079-1100_2022_2_79.
- Климантова, Г. И. Государственная семейная политика – важнейшая политическая стратегия современной России / Г. И. Климантова // *Семья: XXI век. Проблемы формирования региональной семейной политики: аналитический вестник Совета Федерации РФ*. – 2002. – № 11 (167).
- Колпакова, О. Суперсилы по наследству: мои советские дедушки / О. Колпакова ; ил. С. Кучер ; [ист. коммент. И. Привалова]. – М. : Пять четвертей, 2022. – 272 с.
- Кукулин, И. Возникновение гражданского родительского сознания / И. Кукулин, М. Майофис // *Pro et Contra*. – 2010. – Т. 14, № 1-2.
- Лану, А. Прощание с коммунизмом: Детская и подростковая литература в современной России (1991–2017) / А. Лану, К. Херолд, О. Бухина. – М. : Новое литературное обозрение, 2024. – 368 с.
- Малкина, В. Я. Исторический роман / В. Я. Малкина // *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий*. – М. : Издательство Кулагиной ; Intrada, 2008.
- Разумова, И. А. Потанное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История / И. А. Разумова. – М. : Индрик, 2001. – 374 с. – (Традиционная духовная культура славян (ТДКС): Современные исследования).
- Рикер, П. Память, история, забвение / П. Рикер. – М. : Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с. – (Французская философия XX века).
- Садриева, А. Н. Детская книга как социальная институция: механизмы социализирующего воздействия на читателя / А. Н. Садриева // *Детская книга как институт социализации: «золотой ключик» к миру взрослых : материалы XI Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Тагил, 24–25 октября 2019 года*. – Нижний Тагил : Садриева Анастасия Николаевна, 2019. – С. 65–74.
- Строкова, С. С. Направления изучения семейной идентичности в психологии / С. С. Строкова // *Консультативная психология и психотерапия*. – 2014. – № 3 (82). – С. 8–22.
- Тимофеева, И. Н. 100 книг вашему ребенку: беседы для родителей / И. Н. Тимофеева ; Государственная публичная б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. – М. : Книга, 1987. – 255 с. – (Библиотека для родителей).
- Тюпа, В. И. Культура художественного восприятия и литературное образование / В. И. Тюпа // *Слово и образ в современном информационном обществе : сборник статей по материалам конференции, РГГУ, 25–26 окт. 1999 г.* – М. : РГГУ, 2001. – С. 28–42.
- Фамилия Русанов. – URL: <https://woords.su/surnames/surname-rusanov> (дата обращения: 01.05.2023).
- Флоренский, П. А., священник. Причинные ряды в естествознании и генеалогические – в истории / о. Павел Флоренский // *Сочинения : в 4 т. Т. 3 (2)*. – М. : Мысль, 1999. – С. 27–66.
- Харитоновна, Е. В. Тема памяти и образы времени в повести Ольги Колпаковой «Большое сочинение про бабушку» / Е. В. Харитоновна // *IX Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: память культуры и культура памяти» : сборник материалов международной научной конференции, Челябинск, 26 февраля 2020 года*. – Челябинск : Челябинский государственный институт культуры, 2020. – С. 357–359.
- Эрикссон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эрикссон ; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. – 2-е изд. – М. : Флинта ; МПСИ ; Прогресс, 2006. – 352 с. – (Библиотека зарубежной психологии).

References

- Asonova, E. A. (2010). *Novye tsennosti v detsko-roditel'skikh otnosheniyakh* [New Values in Child-Parent Relations]. In *Pro et Contra*. Vol. 14. No. 1-2, pp. 78–93.
- Erikson, E. (2006). *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. 2nd edition. Moscow, Flinta, MPSI, Progress. 352 p.
- Familiya Rusanov* [Surname Rusanov]. URL: <https://woords.su/surnames/surname-rusanov> (mode of access: 01.05.2023).
- Florensky, P. A., svyashchennik. (1999). *Prichinnye ryady v estestvoznanii i genealogicheskie – v istorii* [Causal Series in Natural Science and Genealogical – in History]. In *Sochineniya: v 4 t. Vol. 3 (2)*. Moscow, Mysl', pp. 27–66.

Gubaydullina, A. N., Korvatskaya, E. S. (2022). Motiv nostalgii po sovetskoj deistvitel'nosti v krealizovannykh tekstakh sovre-mennoi detskoj illyustrirovannoi knigi [Motif of Nostalgia for Soviet Reality in Creolized Texts of a Modern Children's Illustrated Book]. In *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury*. No. 2 (47), pp. 79–94. DOI: 10.52173/2079-1100_2022_2_79.

Kharitonova, E. V. (2020). Tema pamyati i obrazy vremeni v povesti Ol'gi Kolpakovoi «Bol'shoe sochinenie pro babushku» [The Theme of Memory and Images of Time in Olga Kolpakova's Story 'A Big Essay about Grandma']. In *IX Lazarevskie chteniya «Liki traditsionnoi kul'tury v sovremennom kul'turnom prostranstve: pamyat' kul'tury i kul'tura pamyati»: sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Chelyabinsk, 26 fevralya 2020 goda*. Chelyabinsk, Chelyabinskii gosudarstvennyi institut kul'tury, pp. 357–359.

Klimantova, G. I. (2002). Gosudarstvennaya semeinaya politika – vazhneishaya politicheskaya strategiya sovremennoi Rossii [State Family Policy is the Most Important Political Strategy of Modern Russia]. In *Sem'ya: XXI vek. Problemy formirovaniya regional'noi semeinoi politiki: analiticheskii vestnik Soveta Federatsii RF*. No. 11 (167).

Kolpakova, O. (2022). *Supersily po nasledstvu: moi sovetskie dedushki* [Superpowers by Inheritance: My Soviet Grandfathers]. Moscow, Pyat' chetverti. 272 p.

Kukulin, I., Mayofis, M. (2010). Vozniknovenie grazhdanskogo roditel'skogo soznaniya [The Emergence of a Civic Parental Consciousness]. In *Pro et Contra*. Vol. 14. No. 1-2.

Lanu, A., Herold, K., Bukhina, O. (2024). *Proshchanie s kommunizmom: Detskaya i podrostkovaya literatura v sovremennoi Rossii (1991–2017)* [Growing out of Communism: Russian Literature for Children and Teens (1991–2017)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 368 p.

Malkina, V. Ya. (2008). Istoricheskii roman [Historical Romance]. In *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatii*. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoi, Intrada.

Razumova, I. A. (2001). *Potaennoe znanie sovremennoi russkoj sem'i. Byt. Fol'klor. Istorija* [The Hidden Knowledge of the Modern Russian Family. Genesis. Folklore. History]. Moscow, Indrik. 374 p.

Riker, P. (2004). *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, History, and Oblivion]. Moscow, Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury. 728 p.

Sadrieva, A. N. (2019). Detskaya kniga kak sotsial'naya institutsiya: mekhanizmy sotsializiruyushchego vozdeistviya na chitatelya [Children's Book as a Social Institution: Mechanisms of Socializing Influence on the Reader]. In *Detskaya kniga kak institut sotsializatsii: «zolotoi klyuchik» k miru vzroslykh: materialy XI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Nizhnii Tagil, 24–25 oktyabrya 2019 goda*. Nizhny Tagil, Sadrieva Anastasiya Nikolaevna, pp. 65–74.

Strokova, S. S. (2014). Napravleniya izucheniya semeinoi identichnosti v psikhologii [Approaches to Family Identity Research in Psychology]. In *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*. No. 3 (82), pp. 8–22.

Timofeeva, I. N. (1987). *100 knig vashemu rebenku: besedy dlya roditeli* [100 Books for Your Child: Conversations for Parents]. Moscow, Kniga. 255 p.

Tyupa, V. I. (2001). Kul'tura khudozhestvennogo vospriyatiya i literaturnoe obrazovanie [Culture of Artistic Perception and Literary Education]. In *Slovo i obraz v sovremennom informatsionnom obshchestve: sbornik statei po materialam konferentsii, RGGU, 25–26 okt. 1999 g.* Moscow, RGGU, pp. 28–42.

Vorotilova, S. V. (2013). Kontsepty semeino-rodovoi istorii v kontekste stanovleniya rossiiskoi grazhdanskoi identichnosti podrostka [Concepts of Family and Patrimonial History in the Context of Establishment of the Russian Civil Identity of a Teenager]. In *Grani poznaniya*. No. 5 (25), pp. 8–14.

Данные об авторах

Гапонова Жанна Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, декан факультета русской филологии и культуры, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

Адрес: 150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1.

E-mail: jangap1@mail.ru.

Никкарева Елена Викторовна – старший преподаватель кафедры культурологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

Адрес: 150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1.

E-mail: enikkareva@mail.ru.

Authors' information

Gaponova Zhanna Konstantinovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language Department, Dean of Faculty of Russian Philology and Culture, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia).

Nikkareva Elena Viktorovna – Senior Lecturer of Department of Cultural Studies, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia).